

БЕЛОРУССКИЙ УЗЕЛ

Ал.А. Громько¹: В силу обстоятельств оказавшись на исходе лета в Беларуси, отчасти изнутри наблюдал за драматическими событиями, последовавшими за президентскими выборами 9 августа. Встречался лично или общался дистанционно как со сторонниками нынешней власти, так и с её противниками. Сразу замечу, что количество тех, кто не относится к этим двум категориям, не меньше, чем каждая из них в отдельности. И это понятно, далеко не все интересуются политикой и не все склонны к политическому активизму, а тем более к политологическому анализу. По роду моей работы и в связи с семейной историей знаком со многими белорусскими политиками, дипломатами, учёными, университетской профессурой, журналистами, как и с «простыми людьми» разных профессий, далёких от властных сфер.

Недавно в Беларуси удалось дать и несколько интервью как центральным СМИ, так и региональным; одно из них — областной газете «Витебские вести»². Позже на него откликнулся профессор Владимир Евдокимович Снапковский³. Мы знакомы давно, не раз встречались в России и в Белоруссии. Это, видимо, и послужило обоюдному желанию вначале откровенно обменяться мнениями о происходящих событиях, ставших за истёкшее время не только внутрибелорусским, но и международным феноменом, а затем и опубликовать нашу полемику в расширенном виде.

В.Е. Снапковский: Непосредственным поводом моего обращения к директору Института Европы РАН Ал.А. Громько стало его интервью «Витебским вестям» от 27 августа с.г., где он поделился своими чувствами и размышлениями, вызванными событиями в Беларуси, развернувшимися после 9 августа, когда Центральной избирательной комиссией были объявлены результаты президентских выборов. Алексей Анатольевич рассказал о своем видении как внутренней ситуации в стране, так и прежде всего о внешних факторах, оказывающих влияние на Беларусь и на противоборствующие силы, столкнувшиеся в начавшемся общественно-политическом кризисе. Это была точка зрения российского политолога, директора академическо-

¹ **Громько Алексей Анатольевич** – д.полит.н., член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А.А. Громько.

² Интервью Ал.А. Громько о ситуации в Беларуси. 27 августа 2020 г. *Витебские вести*. URL: <http://instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/27082020>

³ **Владимир Евдокимович Снапковский** – профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, доктор исторических наук.

го института, к тому же кровно, этнически связанного с Беларусью человека. Интервью было небольшим и не было каким-то системным изложением взглядов на белорусскую ситуацию, тем более что события только начинали разворачиваться. Вместе с тем какие-то узловые, давно сформулированные политические и академические позиции и даже, вероятно, выстраданные своим жизненным опытом, как и коллективным опытом своей известной семьи, личные ощущения давали понять, что перед нами, с одной стороны, твердый российский государственный, с другой стороны, как его назвала журналистка, «фактически этнический белорус», который не может не воспринимать близко к сердцу происходящее в соседней и, можно так сказать, частично или полностью его родной Беларуси.

Эксклюзивность интервью Ал. Громыко объясняется и тем, что с момента начала кризиса в Беларуси прошло почти три недели, а российское академическое сообщество как бы в рот воды набрало, никак не реагируя на массовое насилие на улицах и площадях Минска и других городов. Оно молчало или выжидало, скорее всего передоверив выступать от имени России и всего ее многонационального народа Кремлю и МИДу. И это характерное молчание российской общественности продолжается, на что обратила внимание нобелевский лауреат Светлана Алексиевич. Это тоже о многом говорит белорусским ученым, общественности и всему народу, понимающим, что в беде и перед трудным выбором оказались не только они. Как тут не вспомнить слова В. Путина в адрес А. Лукашенко, что мы теперь в одной лодке и он (старший брат) его не бросит. А как можно оценить слова А. Лукашенко в последнем интервью российским журналистам, что после краха Беларуси наступит черед России? Конец независимого белорусского государства прямо связывается с крахом конкретного политического режима.

По долгу службы и по призванию директор Института Европы РАН, в котором есть Центр белорусских исследований, прервал это молчание и сказал о наболевшем. Сказал аккуратно и дипломатично, не забыв о российских государственных интересах и о негативной роли внешнего фактора, имея в виду противодействие иностранному (западному) вмешательству.

В моем обращении к Ал.А. Громыко были и личные мотивы. Нас связывают уже более 10 лет узы личного знакомства, встречи в Москве в Институте Европы и Минске на факультете международных отношений БГУ, где я работаю, и определенный уровень уважительных и, я бы сказал, доверительных отношений. Я активно сотрудничал с Институтом Европы РАН в первой половине 1990-х годов и работал там приглашенным научным сотрудником, участвуя в конференциях и готовя аналитические материалы о ситуации в Беларуси и белорусско-российских отношениях. Позднее участвовал в ежегодных круглых столах белорусских и российских ученых, проводимых факультетом международных отношений БГУ и Институтом международных экономических и политических исследований (затем слившимся с Институтом экономики) РАН. В результате в 2009 г. родилась книга «Белорусско-российские отношения» (на белорусском языке), где изложена моя концепция этих отношений. Это не интеграция двух государств, которой она не может быть равноправной и взаимовыгодной изначально в силу огромной разницы потенциалов России и Беларуси и которая вела бы к неизбежному поглощению сильным (большим) государством слабого (небольшого), а отношения стратегического партнерства при сохранении суверенитета и независимости двух стран и обеспечении

стратегических интересов России в Беларуси (своеобразная модель «финляндизации»).

Еще один важный момент, о котором хотелось бы сказать. Об атмосфере деловых, творческих и личных контактов между белорусскими и российскими исследователями. У нас была пора теплых и открытых отношений, где мы могли достаточно откровенно говорить друг другу и неприятные слова о своей и другой, дружественной стране, своем «родном» и «другом» политическом режиме, его внутренней и внешней политике. Это первая половина 1990-х годов. Затем мы стали «государственниками», российские ученые – большими и твердыми, белорусские (в силу еще недостаточной уверенности в независимости своей страны) – слабыми и колеблющимися.

Начавшаяся политика интеграции требовала лояльности от исследователей и этого жестко добивался ее белорусский инициатор, президент А. Лукашенко, объявляя несогласных и критиков его интеграционной политики «националистами», недругами российского народа и дружественных отношений Беларуси с Россией. К сожалению, эта позиция была воспринята в своем значительном большинстве российским научным сообществом. В работах российских исследователей о современной Беларуси, ее политическом режиме, внешней политике и отношениях с Россией преобладали (в упрощенном виде) следующие тезисы и установки: президентский режим А. Лукашенко обеспечил стабильное и уверенное развитие страны; он пользуется широкой поддержкой населения; после ухода Украины он остается единственным союзником России на западном направлении и поэтому нуждается в ее твердой политической, экономической и военной поддержке; главный вектор двусторонних отношений с Беларусью — это интеграция, понимаемая как все более глубокая зависимость от России.

То, что такие подходы насаждались или воспринимались добровольно-принудительно большинством белорусских ученых, было естественно для авторитарного государства. Наверное, можно сказать, что их восприятие и обоснование российскими исследователями также естественно, хотя и не вполне научно, поскольку и они живут и проводят свои исследования в другом, подобном по политическому устройству авторитарном государстве. Следует признать, конечно, и тот факт, что в России возможности выражать свою точку зрения в публикациях на международную тематику остаются шире, хотя после начала российско-украинского конфликта они сильно сузились. Такой исследовательский дискурс сложился вокруг белорусской тематики, по моим поверхностным наблюдениям, в российских академических институтах.

Что касается Института Европы РАН, то он оперативно отреагировал на события в Беларуси аналитической запиской руководителя Центра белорусских исследований Н.М. Межевича «Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса», в которой отмечается, что кризис вызревал не один год и был связан среди других причин с сокращением российской экономической помощи и последствиями пандемии коронавируса. Автор прогнозирует углубление кризиса и различные сценарии его развития, особенно в виду важности Беларуси, поскольку в игру вступает геополитика. В этом материале, подчеркну, прослеживается другой подход, не апологетический, а реалистический, что требовало научного осмысления уже начавшихся кризисных событий. Реакцией на кризис было и интервью Ал. Громыко.

Ал.А.: Коротко отреагирую на ряд тезисов Вашей преамбулы. Вы говорите, что равноправной интеграция быть не может в силу огромной диспропорции между потенциалами России и Беларуси. Как специалист, занимающийся интеграционной проблематикой много лет, позволю не согласиться с этим; дело всё же несколько сложнее. Нет прямой зависимости между категориями соподчинённости, неравенства условий участия и природой, конфигурацией современных интеграционных проектов. Тем более если в них входит малое количество игроков. Действительно, в одних моментах «размер имеет значение», и больший потенциал определяет асимметричное распределение интересов между участниками интеграции, что естественно. Но в других именно крупный игрок может больше зависеть от малого нежели наоборот. Тем более что «великих держав» в прежнем понимании этого термина уже нет, но есть «нишевые державы», о чём не раз старался рассуждать. Кстати, многие моменты в истории Евросоюза, в том числе современной, служат тому подтверждением.

Убеждён, что Беларусь нуждается в России не меньше, чем Россия — в Беларуси. С этой точки зрения наша интеграция — равноправная. Тем более, речь не идёт об автоматическом поглощении одного другим; вспомним опять же ЕС, где часть суверенитета передаётся не другому государству, а наднациональным структурам, что обязаны делать и большие, и малые участники. Что же мы не создаём эти наднациональные структуры?

Про «финляндизацию». Это понятие предполагает определенный вариант нейтралитета меньшего партнёра, характер отношений, известный по истории взаимодействия между СССР и Финляндией. Но, во-первых, россияне и белорусы исторически и культурно кратно ближе друг к другу, чем россияне и финны, и вряд ли нам надо выстраивать модель отношений на основе некоей вежливого и пугливого дистанцирования друг от друга. Во-вторых, финляндизация — это неучастие малого партнёра в военных союзах, что в нашем случае означало бы выход Минска из ОДКБ и из двусторонних военных отношений с Россией. Не вижу, какие выгоды Беларусь получила бы от этого. Финляндия была встроена в западный политический проект, стала членом ЕС, проводит активное партнёрство с НАТО. Нейтралитет Беларуси, в отличие от нейтралитета, например, Австрии или Швейцарии, не укрепил бы её безопасность, а лишь сделал бы её объектом перетягивания на свою сторону с обеих направлений. По крайней мере Россия точно нуждается в Беларуси как надёжном военном союзнике с учётом агрессивной антироссийской политики НАТО и США, масштабного развития военной инфраструктуры на «восточном фланге» НАТО и по линии двусторонних отношений между США и рядом соседей Беларуси и России.

В.Е.: О «большой беде» для Беларуси и белорусского народа, о которой Вы говорите в интервью. Она рукотворная, давно созрела и, вот, наконец прорвалась, и к ее появлению Россия, к моему сожалению, имела и имеет отношение. Белорусский президент сумел так представить себя перед российским руководством (президентами Б. Ельциным и особенно В. Путиным) и российским народом, что якобы только он и его сторонники являются настоящими друзьями России, и наоборот, а его недруги, наоборот, — это враги русского народа. Конечно, это очень упрощенная схема, но ей верили или хотели в это верить российские политики. Под бедой

вероятно понимается кризис правящего режима, который экстраполируется на политическую и экономическую систему и все белорусское общество. Это действительно беда для всего народа и государства, поскольку авторитарный режим глубоко проник во все поры общественного организма. Выходом из этой беды был бы добровольный уход А. Лукашенко от власти, но этот момент им уже упущен. Соглашусь с тезисом, что в создавшейся ситуации следует действовать взвешенно и осторожно, руководствуясь принципом «не навреди». Что же касается революций, то мудрые правители стараются до этого дело не доводить, а уходить вовремя.

Ал.А.: Отчасти согласен с Вашим тезисом. Однако он, считаю, слишком упрощённый, так как на отношения с властями Беларуси уже давно многие в России смотрят более чем реалистично и без иллюзий, в том числе, насколько могу судить, президент В.В. Путин. Кроме того, российский политический класс — сильно разнородное явление. В нём отношение к президенту РБ варьируется от восторженного до полного неприятия. Что касается добровольного ухода от власти, то, когда это касается высшего должностного лица в государстве, речь идёт не столько об одной персоне, сколько о целом срезе политического класса, как и о том, кто приходит взамен. Представим себе, что А.Г. Лукашенко сложил бы с себя полномочия президента вскоре после 9 августа. И что произошло бы? Как это согласуется, например, с конституцией государства? Кто заполнил бы образовавшийся вакуум власти в стране, не имеющей опыта «добровольной» отставки президента? Да и термин «добровольный» лукавый, ведь от власти никто не уходит по собственному желанию, это делают вынуждено. Согласен, транзит власти в Беларуси можно было бы начать уже давно и осуществлять его без таких встрясок. Но этого сделано не было. Поэтому теперь, какие бы побочные эффекты это ни имело, надо настроиться именно на транзит власти, который займёт время, а не на «разрыв» власти с рисками крушения всей политической надстройки, а вместе с ней и всей экономики. Поверьте, от краха экономики России в 90-е годы восторга никто не испытал. Зато олигархи появились.

В.Е.: О вреде и пользе революций. Вам должно быть хорошо известно, почему возникают революции. Они возникают прежде всего из-за неспособности правящего режима управлять по-старому. А когда массы не желают жить по-старому, возникает революционная ситуация. Что мы имеем сейчас в Беларуси? Массовый, стихийный и одновременно не случайный, а долго вызревавший протест людей, возмущённых: 1) грубой фальсификацией итогов президентских выборов, 2) невиданным насилием власти 9-11 августа над протестующими и 3) недовольных и усталых от 26-летнего правления одного человека. Массовые мирные волнения продолжаются уже более месяца и их уже называют «белорусской революцией». Начало ли это «долгой революции», середина или конец — трудно сказать, как и невозможно предсказать, каков будет ее исход, имея в виду главный вопрос любой революции — вопрос о власти. Однако уже сейчас можно утверждать, что Беларусь будет другой, что нация рождается заново и она уже не примет прежнего правителя, а если и примет, то ненадолго.

Ал.А.: Как историк неплохо представляю себе причины революций, но никогда не хотел бы и не советовал никому жить в их период, если вы, конечно, не профес-

сиональный революционер или по своей природе экзальтированная личность. Как Вы напомнили, революция — это когда «верхи не могут, а низа не хотят». В Беларуси этой ситуации нет или, по крайней мере, пока нет. Считать по-другому, как мне представляется, значит заблуждаться. В истории же в подавляющем большинстве случаев революции приводили к негативным последствиям, включая крушение целых государств. Так что не дай нам Бог революций, мы свой план по ним уже перевыполнили. Что касается природы революций, то они в большинстве своём были кровавыми, а те, которые называют бархатными и т.п., происходят, когда власть разваливается, явное большинство против неё и её есть кому подхватить. В Беларуси, на мой взгляд, власть не разваливается, большинства у оппозиции нет и власть пока некому заменить, так как у протеста нет признанных лидеров и политических инструментов. Ну а если кто-то хочет торопиться и революционно, то есть насильно, ломать систему, включая тех, кто против революций, тогда эти кто-то должны, видимо, начать применять силу. Но и у других она есть, поэтому насильно не получится ни в ту, ни в другую сторону.

В.Е.: В интервью Вы уточняете, говоря о революции, что еще хуже для людей госпереворот или захват власти, намекая на возможные действия революционных сил (оппозиции) в Беларуси. Действительно диктаторы и автократы оставляют после себя пустыню (прежде всего политическую, правовую, нравственную, а затем, может и сразу, социальную и экономическую) и выход из тупика потребует видимо много сил и времени. Вы эту возможность революционных изменений для белорусов и улучшения их жизни после неё исключаете, считая, что это идет от непонимания политических процессов, становясь на позицию реалполитик. Если принять эту точку зрения, остается только выжидать или ожидать того, о чем говорил К.Маркс: крот истории работает хорошо. В таком случае сама власть приближает свой конец необдуманно действиями.

Ал.А.: Не соглашусь с якобы социальной и экономической пустыней в Беларуси, тем более нравственной. Путешествуя по Вашей стране ни впритык, ни в отдалении пустыни не видел. Состояние белорусской социально-экономической системы, индекс человеческого развития, показатели социального благополучия лучше, чем у доброй половины стран мира и, с моей точки зрения, лучшее на всём постсоветском пространстве. Это и объективные статистические показатели, и мои личные впечатления. Белорусы в основном не прошли через те лишения и унижения, которые испытали россияне в 90-е годы, и не все до конца ценят то, что многие беды, испытанные населением в той же России, обошли их стороной.

Действительно, отношу себя к школе реальной политики, что далеко не одно и то же, что реалполитик. Можно быть и человеком идеалов, и приверженцем реальной политики, что отнюдь не совпадает с циничностью реалполитик. Также хотел бы обратить внимание, что все без исключения ведущие державы мира проводят реальную внешнюю политику, под какими бы лозунгами это ни происходило. А что касается «автократов», то вспоминаю Пиночета, на которого так молился Запад. Для Запада всегда были по всему миру «хорошие» и «плохие» авторитарные режимы. О странах Персидского залива уже даже вспоминать не удобно.

В.Е.: О внешнем факторе и роли Запада. В оценке роли Запада лежит глубокое онтологическое различие между россиянами и белорусами. Первые видят в нем преимущественно цивилизационного и геополитического противника. Белорусы же, как небольшая (средняя) европейская нация, находящаяся между Востоком и Западом и даже разделенная, согласно Хантингтону, цивилизационной границей, видят в Западе один из центров (или ведущий центр) силы в современном мире, на который ориентируются все соседи Беларуси, за исключением, естественно, России. Однако, несмотря на свое промежуточное положение, Республика Беларусь значительно ближе к России, чем к Западу по ряду причин, прежде всего этнических и исторических (если иметь в виду только XX век с его войнами, шедшими на белорусские земли с Запада). Как известно, её зависимость от великой восточной соседки сильно увеличилась в годы правления президента А. Лукашенко, и Запад (США и Европейский союз) в принципе признаёт правомерность или обусловленность нахождения Беларуси в сфере стратегических интересов России, хотя и не хотел бы, чтобы Москва имела исключительные права на Беларусь. Вместе с тем следует понимать, что из пяти стран-соседей Беларуси четыре не входят в российскую сферу влияния, а Украина разворачивается на Запад.

Ал.А.: Беларусь не является, в отличие, например, от Украины, цивилизационно разделённой нацией, что не противоречит историческому факту большого литовского и польского влияния на белорусскую нацию. Но если уж пользоваться не совсем научным представлением Хантингтона о цивилизационных разломах, то в случае с Беларусью он проходит не через неё, а по её западной границе. Зависимость Беларуси от России за последние десятилетия увеличилась не из-за причуд одного лица, а из-за объективных социально-экономических процессов по интеграции (точнее, реинтеграции) двух стран, созданию общего пространства свободы перемещения, достаточно глубокой торговой, промышленной, научной, военной кооперации. Но, конечно, такие процессы всегда требуют поддержки, и долгое время А.Г. Лукашенко это делал. А культурная константа нашего единства, конечно, таковой всегда и была.

Вы заблуждаетесь по поводу того, что США и ЕС всё ещё признают объективность стратегической взаимной заинтересованности России и Беларуси. Ситуация изменилась, как только стали меняться обстоятельства. Когда-то на Западе в целом, за исключением давно осевших там радикальных украинских националистов и единичных политиков, признавали и стратегическую взаимосвязь России и Украины. Да, они с этим долгое время мирились, но одновременно терпеливо работали с Украиной, а теперь и с Беларусью, например, в рамках Восточного партнёрства. А что, есть разные мнения в отношении смысла этого проекта, который был запущен ещё в 2009 г.? Странно, что Вы не замечаете сотен и уже тысяч статей и выступлений, в том числе на самом высоком уровне, в странах, соседствующих с Вами на западе, в ЕС в целом, в США, главный тезис которых — «спасти Беларусь от России». Там уже давно речь не идёт только о замене одного человека другим, а о том, чтобы сломать всю систему, в том числе стратегию Минска на мировой арене.

В.Е.: Для Беларуси у России есть старая испытанная схема о вредном влиянии Запада, а сейчас прямо и открыто говорится о «грубом вмешательстве Запада во внутренние дела Беларуси». Посыл такой: Запад хочет сменить белорусского руко-

водителя и устроил очередную «цветную революцию». Об истинных причинах недовольства и возмущения миллионов (пусть даже сотен тысяч) белорусов ни Вы, ни российское руководство не говорите (кроме эвфемизмов насчет неидеальных выборов). А как же народ? Он что, только предмет манипуляций или куплен из западных столиц за 30 или 60 белорусских рублей (это утверждение нашего МВД)? Берят ли российские политики и ученые в эту удобную для них, извините, ложь? Неужели можно так низко оцениваете зрелость белорусского народа, его способность выступить в качестве субъекта своей истории, творца своей судьбы?

Ал.А.: Вы не правы, приравнивая к одной общей массе российских политиков и учёных-международников. В отличие от многих западных мозговых центров, российских академические институты (я не говорю о привластных экспертах, которых в любой стране много) не занимаются обслуживанием спущенных сверху ценных указаний. Власть спрашивает наше мнение, которое может одним нравиться, другим нет. То что действительно имеет место, это когда в российской внешней политике прислушивающихся к рекомендациям учёных.

Что касается влияния Запада, как и других частей Света, то оно может быть разным, и вредным, и благотворным. События в Вашей стране, которая и моя тоже, вызваны в основном внутренними политическими причинами (заметьте, не экономическими и социальными). Это абсолютно не означает, что немало «добрых людей» и подконтрольных им институтов, например, в Литве и Польше не вмешиваются в эти события. Более того, они сейчас открыто и публично к этому призывают. Подчеркну, только по наивности можно считать, что многие Ваши соседи хотят сменить лишь президента. Однако, если большинству белорусов действительно не захочется больше быть с Россией, хорошо, можно подстраиваться под других, но это будет как-то мельчать. Но сейчас такого большинства нет.

В.Е.: О беспорядках и стабильности. Вы сравниваете белорусскую ситуацию с событиями в США и во Франции, где полиция жестко расправилась с манифестантами. Но при этом Вы не попытались сравнить ни причины протестов, ни формы их проявления, ни некоторые их результаты. Скажите, кстати, сколько разграблено магазинов, сожжено автомобилей протестующими в Беларуси? Разбита дверь в одном из кафе в Минске людьми в неустановленной в Беларуси форме, без опознавательных знаков, но не участниками протестов. (Но это уже было после интервью). Не заметив этого, Вы, уважаемый коллега, почему-то не сказали о задокументированных 450 случаях жестокого обращения властей с задержанными и о 7 погибших в Беларуси (эти дела представлены в ООН). Почему Россия никак не осудила действия силовиков? Говоря или не говоря о причинах массового недовольства в стране, Вы акцентируете внимание на социально-экономических достижениях действующей власти. Они действительно налицо, хотя и «усыхают». Но кроме «чарки и скварки» белорусы сегодня хотят и людьми зваться, хотят иметь власть, уважающую своих граждан. Этого права они оказались лишены в результате грубых фальсификаций при подсчете голосов избирателей 9 августа.

Ал.А.: Проблемы политической системы решаются в цивилизованных странах политическими методами, иногда долго и очень долго. В России президентские выборы 1996 года были сфальсифицированы, но Запад их принял на ура, а в России

оппозиция решила, что хватит насилия в нашей современной истории. Демократы в США сказали в 2016 году, что Трамп выиграл сфальсифицированные выборы. А Трамп сейчас говорит, что выборы в ноябре сфальсифицируют уже демократы. Ну вот как-то так и живут они на фоне постоянного насилия на улицах Америки.

О грубых задержаниях в Беларуси и насилии в России не говорит и не пишет только ленивый. Только замечу, что фейков на эту тему было тоже немало. А расследования, согласно закону, таких случаев, конечно же, надо проводить, кто с этим спорит. Иногда в США, Германии или Франции полицейские попадают на скамью подсудимых, хотя редко. Обычно их там увольняют со службы. Но не нужно делать вид, что со стороны части протестующих насилия не было: и силовиков избивали, и оружием угрожали. Я уже не говорю про угрозы в соцсетях. Что касается Вашего предложения в адрес России официально осуждать действия властей в другой стране — это значит по всем канонам грубо вмешиваться в её дела. Россию и так истерично и многолетне обвиняют в винегрете вмешательств. А то, как Россия политически будет выстраивать свою линию в отношении белорусских политиков, и старых, и новых, это уже совсем другая история, о которой никто с трибун и телеэкранов рассказывать не будет.

В.Е.: О власти и оппозиции. Сейчас силы, выступающие против власти, не называют себя оппозицией, поскольку за ними большинство. Но оставим этот общепринятый политологический термин в употреблении. Предложенные властью меры (принятие новой конституции и новые выборы президента), естественно, направлены на успокоение ситуации. Вспомним, что было в 1996 г., когда «русская тройка» (Черномырдин, Строев и Селезнев) выступили посредниками в конституционно-политическом кризисе между президентом и парламентом, а фактически стали на сторону первого. Зная нашего президента, думаю, что ситуация повторится. Мы бы хотели справедливого посредничества России в урегулировании кризиса, если уж оставить Запад в стороне. Готова ли Москва к такому справедливому посредничеству? Судя по последним заявлениям, нет. Она твердо встала на сторону властей. На вооружение взяты грубо искажающие реальность тезисы о вмешательстве Запада в белорусские дела, деятельности Координационного совета под его дудку и с его финансовой помощью Запада (но фактов, подтверждающих эти тезисы, не представлено).

Ал.А.: Да, в этой ситуации Россия встала на сторону властей (замечу, не лично президента), потому что пока субъектов посредничества нет. Нельзя же посредничать между властью и площадью. Это на Майдане пирожки сердобольные люди в 2014 году раздавали, а по телефону ненормативной лексикой крыли ЕС за то, что он мешает Вашингтону своих людей на Украине расставлять. Власть в Беларуси, как в любой стране, это не один человек, а субъектность власти. Кто согласится увидеть за столом переговоров «большую тройку» — Лукашенко, Путина и Тихоновскую? Можно подставлять и дальше имена: Алексиевич, Латушко... Из этого ничего не выйдет. А на месте властей Беларуси я бы работал с существующими партиями, зарегистрировал бы и партию «Вместе», активно продвигал бы дорожную карту преобразований. Кстати, Мария Колесникова, по её словам, с товарищами «ошарашились», когда узнали, что чиновники ЕС предлагают КС распределять 53 миллионов евро, потому что хуже этого (иностранные деньги для свержения

власти), чтобы уничтожить репутацию оппозиции, нет (интервью газете «Коммерсантъ» 1.09.2020). Это разве не факт? Правда, для Павла Латушко эта сумма ерундовая, ведь он запросил у ЕС 4 миллиарда долларов. Это уже похоже на раздел шкуры неубитого медведя.

В.Е.: Вы считаете, что одна из сторон в конфликте (власть) пошла значительно дальше второй (оппозиции) в конструктивном направлении. Трудно с этим согласиться, когда известно, что Координационный совет не признан, против него заведено уголовное дело с обвинением в захвате власти, и 5 из 7 членов президиума или задержаны или выдворены из страны¹, еще один (П. Латушко) выехал добровольно, но его возвращение в страну остаётся под вопросом. Возможен ли в таких условиях диалог в Беларуси? С кем его тогда президентской команде вести? С подобранными представителями госпредприятий и провластных студенческих организаций, о чем говорил наш президент? Такая имитация диалога, возможно, ненадолго разрядит обстановку, но не искоренит причины кризиса.

Ал.А.: КС признан властью, что очевидно, не будет, потому что не было в истории случая, чтобы какая-либо действующая власть признавала равным себе другой центр, расположенный за рубежом. Это была бы капитуляция власти, да ещё перед теми, кто сейчас по своей или нет воле находится на иностранном довольствии. Насколько я понимаю, здравая оппозиция должна вести диалог с властью на территории своей страны, всё-таки Беларусь не банановая республика. Я встречал в Беларуси оппозиционеров, в том числе из интеллигенции, но они на дух не переносят сидельцев в Вильнюсе. У оппозиции наверняка будет несколько центров, потому что она разная.

Власть же пошла дальше, потому что обещает политический процесс с внеочередными выборами. Как она распорядится дальше с этим обещанием, я не знаю. Если бы диалог удалось запустить, тогда придётся и власти в дискуссиях отстаивать свои взгляды, и оппозиции не в онлайн-режиме перед Европарламентом выступать, а докладывать народу свою программу внутреннего развития и внешней политики страны. А позиция — мы оппозиция, но о политике не говорим, о «реанимационном пакете реформ» слыхом не слыхивали, но требуем аннулировать итоги выборов и назначить новые, — это политический дилетантизм. Любой, кто придёт на смену нынешнему президенту, получит в масштабах страны огромную власть. Кого-нибудь интересует, что он или она будут с ней делать? Наверное, оппозиции надо поднапрячься и сформулировать свои взгляды на экономику, социальные реформы, промышленную политику, политические, военные вопросы. Вот мы тут в России хотели бы знать, какие части оппозиции и как относятся к России, Союзному государству, ОДКБ, ЕАЭС. Сейчас это не известно, кроме обтекаемых, невнятных и ни к чему не обязывающих фраз со стороны членов КС. А на месте студенческих и трудовых коллективов я тоже поинтересовался бы, как их интересы оппозиция будет защищать, если придёт к власти.

В.Е.: Поскольку Вы говорили о внешнем факторе, нельзя не сказать несколько слов о российском факторе, хотя это особая тема и она заслуживает отдельного

¹ На момент написания материала — 10 сентября 2020 г.

разговора. Как ни странно, а может быть и закономерно, этот вопрос поднял с антироссийским подтекстом президент А. Лукашенко в период предвыборной кампании («дело вагнеровцев»). Всплывшая тема высветлила в очередной раз недоверие белорусского президента к российскому руководству и хотя была быстро улажена, неприятный осадок у Москвы остался. Особенностью белорусской революции является акцент на внутренних проблемах и нежелание притягивать к их разрешению внешние силы. Оппозиция, с другой стороны, не может и не хочет игнорировать роль России и даже очень желала бы, чтобы она вмешалась в разрешение конфликта в роли конструктивного и беспристрастного, насколько это было бы возможно, медиатора. В предвыборной программе С. Тихановской и платформе Координационного совета нет антироссийских или прозападных пунктов. Президент А. Лукашенко и министр иностранных дел России С. Лавров напрасно приписывают оппозиции и участникам митингов антироссийские и антирусские замыслы. Объединенный штаб из трех кандидатов (В. Бабарико, С. Тихановской и В. Цепкало) имеет все основания трактоваться и даже подозреваться больше как пророссийский, чем прозападный политический центр. Еще один немаловажный момент, который, видимо, заметили в России. Коммуникация, выступления, лозунги, документы участников шествий, митингов, пресс-конференций осуществляются преимущественно, а часто и исключительно, на русском языке. Это однозначный сигнал доброй воли и откровенного сердца тысяч протестующих и их лидеров в сторону России.

Ал.А.: Да, история с «боевиками вагнеровцами» была, мягко сказать, некрасивая, и, думаю, к ней ещё вернутся, когда страсти поулягутся. Насколько знаю, перед ними за закрытыми дверями извинились, и старший сын президента тоже. Кто устроил эту провокацию, руководство России и спецслужбы немного рассказывали. Про взгляды окружающих до выборов С. Тихановскую людей я уже сказал: «реанимационный пакет реформ для Беларуси» с яркой антироссийской окраской — не выдумка (см. то же интервью М. Колесниковой). В кругу В. Бабарико и В. Цепкало этого, возможно, не было. Заметьте, первые недели протеста никто из самоназначенного руководства оппозиции не озвучивал ничего по России, тем более те, кто оказался в Вильнюсе и Варшаве. Затем, судя по всему, им подсказали, что это выглядит слишком подозрительно, и С. Тихановской в текстах стали вставлять какие-то пассажи, вроде «да мы и не против, мы со всеми хотим дружить». Что касается Вашего замечания про русский язык — а на каком же языке надо оппозиции обращаться к массам белорусского населения, если он для них и для большей части населения родной? Кроме того, как Вы знаете, «добровольческие» батальоны Авакова в Донбасе тоже не прочь на русском поговорить.

В.Е.: Считаю, было бы ошибкой для российского руководства и народа не воспользоваться этим и другими сигналами и предложениями в интересах сохранения (да, сейчас тот момент, когда правомерно использование этого слова) и развития отношений с Беларусью на принципах взаимной выгоды, а не дотирования зависимости; добрососедства, а не только геополитики и геостратегии; международного права, а не особых семейных отношений между старшим и младшим братом; стратегического партнерства, а не мнимой союзной интеграции, не выгодной обеим сторонам.

Ал.А.: «Мнимая» интеграция, как Вы выражаетесь, сделала Россию и Беларусь одними из наиболее взаимосвязанных стран в современном мире. Да, многое было упущено, но мы не разбежались в разные стороны, занимаясь мазохизмом, и даже многое создали вместе. Как-то не получилось откреститься от кровных уз, которые почему-то некоторых белорусов в отношении России тяготят. Да и что может быть плохого в семейных связях? Посмотрите на Евроатлантику — там до сих пор в ужасе, что старший брат младших бросает, и ничего, не стыдятся.

От белорусов лично я выгод не ищу. Это мы с Литвой к взаимной выгоде сжиженным газом торгуем. А с белорусами нам важно иметь одну картинку мира. Что касается дотаций, то та же Польша с удовольствием и в огромных количествах получает их от ЕС и громко ругается, когда эти дотации ей хотят урезать, одновременно, правда, издеваясь над Брюсселем в вопросах верховенства права. Стратегическое братство — вот достойная для россиян и белорусов цель. А стратегическое партнёрство мы отводим Китаю и, может быть, когда-нибудь даже восстановим его с ЕС.

Двумя руками за то, чтобы в России серьёзно воспринимали сигналы от всех частей белорусского общества, включая умеренную часть белорусского протеста, и в первую очередь от тех, кто не раздражён интеграцией с Россией, а считает её недостаточно эффективной. Надеюсь, что по многим затронутым вопросам мы с Вами ещё поработаем вместе в интересах наших братских народов.
